

Морщинка между бровей Се Чэнъи разгладилась отнюдь не от удовольствия — доносившиеся от двери слабые всхлипывания начинали действовать на нервы.

О чём он вообще плачет? О том, что высочество больше не послужит ему трамплином для прыжка наверх, и оттого стало так тоскливо?

В этой жизни — ни шагу ближе.

Чем дольше он думал, тем сильнее нарастало раздражение. Се Чэнъи схватил со стола стоявшую под рукой чашку и швырнул её в сторону выхода.

— Бац!

За дверью Пэй Цинъянь вздрогнул. На лице, только что прятавшемся в сгибе локтя, ещё блестели дорожки слёз, а капельки влаги дрожали на длинных ресницах.

Однако плакать он больше не смел. Бессильно проведя рукавом по лицу и кое-как размазав слёзы, он перебрался к самому проёму, прижался спиной к углу стены и постарался заглушить любые звуки, загнав их глубоко в горло.

В бледном свете луны у стены сжался чей-то едва заметно дрожащий силуэт.

Утром Чжао Цзюань пришёл разбудить Се Чэнъи и, заметив у дверей свернувшегося калачиком человека, испуганно отшатнулся, после чего поспешно шагнул вперёд и принялся трясти его за плечо:

— Ты кто такой? Чего устроился под дверью его высочества?

Пэй Цинъянь очнулся от толчков, его голова всё ещё тяжёло гудела, и лишь спустя какое-то время глаза привыкли к свету, позволив разглядеть стоявшего перед ним человека.

— Наставник Чжао...

— Ой-ёй, новенький, вчерашний, верно? И с чего это ты уселся под дверью высочества, разве тебе не отвели комнату?

Чжао Цзюань запомнил его — среди вчерашних новичков этот парень выделялся самой смазливой внешностью.

Если бы не предусмотрительно изученные списки, он бы решил, что в резиденцию тайком прокрафлся сын какого-то аристократа.

Пэй Цинъянь покачал головой и снова съёжился, то и дело бросая тоскливые взгляды на дверь.

В такое время высочество ещё наверняка не проснулось.

Пэй Цинъянь невольно вспомнил прошлую жизнь: каждый раз, поднимая высочество с постели, тот неизменно прижимал его к себе и ещё долго не хотел выпускать из объятий...

Поняв, что уговоры не действуют, Чжао Цзюань махнул рукой и бросил попытки, а затем на цыпочках, стараясь не шуметь, толкнул дверь и вошёл внутрь.

— Высочество, вы проснулись?

Се Чэнъи сидел на краю кровати, массируя виски — вид у него был такой, словно он совсем не сомкнул глаз за ночь.

— Высочество, может, слуга разомнёт вам плечи? — с этими словами Чжао Цзюань, предварительно ополоснув руки, подошёл к Се Чэнъи.

Се Чэнъи коротко бросил:

— Мм.

— Высочество, вы дурно спали этой ночью? — мягко осведомился Чжао Цзюань, а затем опасливо добавил: — Ваш слуга вернулся поздно и не смел потревожить ваш покой.

— Слуга оплошал, молю высочество о снисхождении, — виновато склонил голову Чжао Цзюань.

— Ваш слуга уже велел людям пересчитать все запасы лекарств и продовольствия, — с этими словами он достал из пазухи реестр и почтительно протянул Се Чэнъи.

Се Чэнъи бегло просмотрел свиток:

— А лекарства, что у Лян Чжилина, проверили?

Чжао Цзюань помогал Се Чэнъи одеваться.

— Отвечаю высочеству: те медицинские травы уже доставили в карантинную зону, ваш слуга к ним даже не прикасался.

Взгляд Се Чэнъи слегка потемнел, и он холодно хмыкнул:

— А этот чинуша не теряет времени даром.

Чжао Цзюань, низко опустив голову, аккуратно разглаживал складки на одежде Се Чэнъи.

— Высочество, слуга приветствует вас, — едва слышав шаги вышедшего Се Чэнъи, Пэй Цинъянь тут же опустился на колени.

Се Чэнъи даже не взглянул на него и быстрыми шагами направился прочь.

Лишь когда затихающие шаги стихли вдали, Пэй Цинъянь осмелился поднять голову, провожая фигуру Се Чэнъи затуманенным, полным боли взглядом.

Чжао Цзюань и сам не мог до конца понять намерения высочества, поэтому лишь бросил на ходу пару слов Пэй Цинъяню и поспешил следом:

— Дел нынче не впрокорот, нечего тут у дверей высочества околачиваться. В карантинной зоне рабочих рук не хватает, ступай туда помогать, да шевелись расторопнее.

Пэй Цинъянь растерянно смотрел ему вслед, а спустя мгновение тихо проговорил:

— Хорошо...

От долгого сидения на корточках ноги онемели, и ему пришлось немного постоять на месте, приходя в себя, прежде чемковыляя двинуться вдогонку.

Помнил ли Пэй Цинъянь прошлое или нет, Се Чэнъи относился к нему с полнейшим равнодушием.

Сколько в его чувствах было искренности, сколько — фальши, а сколько — холодного расчёта, его больше не волновало. Единственным желанием оставалось держаться от этого человека как можно дальше.

Се Чэнъи нанёс визит в карантинную зону: хлипкий забор, наспех сколоченный прежде, уже успели починить. Однако у самого поворота он вдруг остановился, хотя собирался идти дальше.

Сделав несколько шагов вперёд, он коснулся пальцами брёвен и сразу понял — древесина здесь совсем не та, что использовалась для остального ограждения. Она была непрочной.

Лицо Се Чэнъи окончательно окаменело. Похоже, истинной целью этого человека было затянуть время и продлить эпидемию чумы.

— Ваше высочество.

Се Чэнъи нахмурился, встретившись взглядом с подошедшим Пэй Цинъянем.

Пэй Цинъянь глубоко спрятал поднимавшиеся из глубины души чувства и постарался сделать голос ровным, без единого всхлипа:

— Ваше высочество, слуга нашёл это в аптекарской палате.

Не обращая внимания на протянутую руку, Се Чэнъи перехватил записку — в ней перечислялось несколько ключевых лекарственных сборов.

— Я понял. Иди к своим обязанностям.

— Слуга уходит.

Пэй Цинъянь медленно попятился, то и дело оглядываясь. Заметив, что высочество уже отвернулся, он с тяжёлым вздохом перевёл взгляд на его удаляющуюся спину.

В этой жизни ему оставалось лишь смотреть вслед уходящему высочеству.

Интересно, сохранились ли у высочества воспоминания о прошлой жизни? Если да, то видеть его он наверняка бы не захотел.

Пэй Цинъянь горько усмехнулся: с одной стороны, он хотел, чтобы высочество помнил всё, а с другой — боялся причинить ему ту боль, что осталась в прошлых днях.

— Ваш покорный слуга приветствует высочество, — заметив Се Чэнъи, Лян Чжилинь поспешно поднялся навстречу, всем своим видом выказывая трепет и страх.

— Как продвигается допрос? — опустившись в кресло, Се Чэнъи испытующе уставился на него.

Лян Чжилинь подавил подступающий страх и выдавил угодливую улыбку:

— Ваш нижайший слуга уже допросил этого смутьяна.

— Высочество, это всё из-за моей скверной управы этот негодяй посмел возвести наговор на лекаря Цзяна.

— Я здесь не за тем, чтобы слушать твоё самобичевание, меня интересуют причины, — Се

Чэнъи принялся рассеянно крутить на пальце нефритовое кольцо.

— Докладываю высочеству: этот простолюдин получил лекарство позже остальных и затаил злобу на лекаря Цзяна, решив, что тот к нему предвзят, вот и созрел умысел на преступление, — тщательно подбирая слова, заговорил Лян Чжилинь. — Ваш слуга не сомневается, что сердце лекаря Цзяна исполнено милосердия и о какой предвзятости не может быть и речи. Наверное, в толпе было слишком шумно и суетно, лекарь Цзян попросту упустил что-то из виду, оттого и произошла заминка.

— Высочество, по мнению вашего слуги, подобных смутьянов, чья психика надломилась из-за болезни, следует немедленно предать казни.

Каждое слово уездного начальника сквозило обвинениями в адрес Цзян Лицина в халатности. Если бы этого человека и вправду казнили, репутация и доброе имя лекаря Цзяна в этих краях были бы навсегда запятнаны, что явно мешало бы его врачебной практике.

— Даже не знаю, каково сейчас самочувствие лекаря Цзяна. Завтра же навещу его с повинной, лишь бы это недоразумение не помешало спасению больных.

Лян Чжилинь разразился высокопарными речами, хотя трудно было сказать, сколько искренности крылось за этими словами.

— Лян-дажэнь преувеличивает, какая еще повинная, — Се Чэнъи поднялся с места, и в его голосе не было ни капли тепла. — Лекарь Цзян душой болеет за простой народ, и хотя сам заразился чумой, лечение больных ни на день не прекращал.

— С чего же это господин Лян вдруг заговорил о каких-то заминках?

Лян Чжилинь испуганно рухнул на колени:

— Ваш слуга сболтнул лишнего, из головы вон от переживаний! Простой люд бедствует, и ваш покорный слуга искренне тревожится за лекаря Цзяна и за народ, уповаю на проницательность высочества!

— Я понимаю твою заботу о людях, но подобного рода слов я больше не желаю слышать во второй раз, — на губах Се Чэнъи промелькнула лёгкая улыбка, но от произнесённых слов повеяло могильным холодом. — Если мне доведётся услышать подобное вновь, пощады не жди.

— Слушаюсь, слушаюсь, слуга всё понял, — дрожащим голосом отозвался Лян Чжилинь.

Се Чэнъи велел увезти преступника — тот ни в коем случае не должен умереть. К счастью, он проявил дальновидность и приставил к нему людей для охраны.

Добрая молва хрупка, а людские языки страшнее зверя, так что бдительность терять нельзя.

— Ваше высочество, говорят, лекарства и продовольствие, присланные ко двору, наконец прибыли, — последние дни Цзян Лицин провёл в западной части города, и его застарелый кашель от пневмонии значительно уменьшился.

— Да, взгляни-ка на это, — Се Чэнъи подвинул записку ближе к лекарю.

— Здесь перечислены самые дефицитные компоненты, — Цзян Лицин поднял на него глаза.

— На складе их осталось меньше всего, да и в аптеках нынче с ними туго.

Цзян Лицин окинул его своими смоляно-чёрными глазами:

— Что хочет сказать высочество...

Се Чэнъи кивнул:

— Именно.

Цзян Лицин на мгновение растерялся, не зная, как реагировать, и погрузился в молчаливое созерцание списка лекарственных трав.

<http://bllate.org/book/22370/2346146>